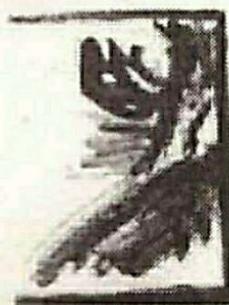
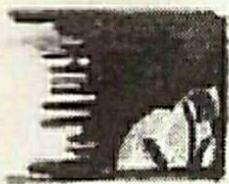
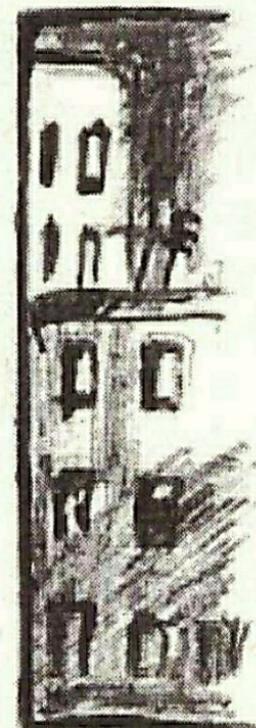
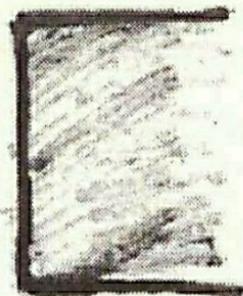
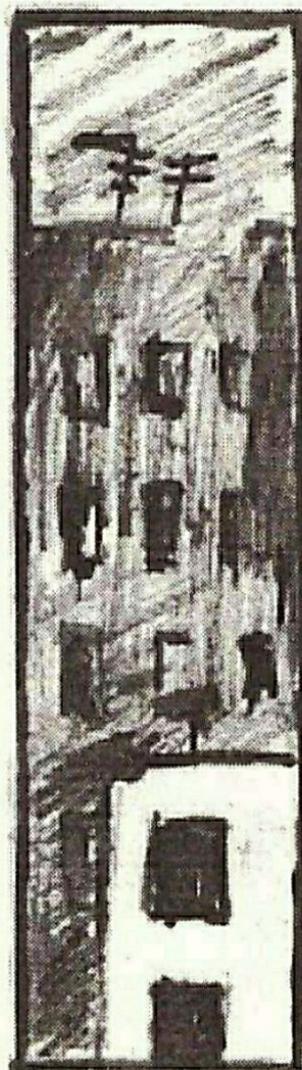

Предчувствие

Лидия
Сычева

книга
коротких
рассказов

Москва 2001

Ли́дия Сы́чева

Предчувствие. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Сычева Л.

Предчувствие. Сборник рассказов / Л. Сычева — «ЛитРес: Самиздат», 2001

Сборник коротких рассказов с плотным письмом и объемными образами. Замысел книги – открыть читателю его самого. Какой он, помимо ежедневной погони за призраком благополучия? Какая начинка в нем под шелухой бездумности, лености и ожесточенности? Чем он дышит в эти, предназначенные ему судьбой, годы? Лаконизм языка позволяет автору в небольшом сборнике собрать почти все приметы современной России.

Содержание

Бизнес	6
На огороде	8
День города в Кипрянах	9
Смерть пирожкам!	12
Злоумышленники	14
На перекрестке	16
Трамвай	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Предчувствие

Книга коротких рассказов. Второе издание

Бизнес

Хорошо ехать утренней электричкой от Москвы – неспешность, обстоятельность, малолюдность. Каждый человек сам по себе – особенный, видный со всех сторон, владелец целой просторной скамейки, сидит обычно по ходу поезда и мечтает в окошко. Или читает любимую газету, или дремлет, досыпая короткую весеннюю ночь. Но уже выстелились пригорки травой – чистой, наивной, непрямой, уже разродились на деревьях самые смелые почки, уже обновилась народная выдумка – на бетонном корыте-саркофаге каллиграфически краснеет надпись – «Чубайсу». Как тут заспать?! В голове сами собой распускаются весенние мысли, крылатые, как неженатые птицы, отважные, как первые цветы. И почти готово состояться великое открытие – вроде бы и не электричка везет нас, людей, а наоборот, это благодаря Ванькам-Петькам-Манькам и рельсы есть, и дрезины, и всякие другие вагоны. Вот что бывает с человеком, и даже с женщиной, если ехать от Москвы подальше в будний день!

Но тут в наши индивидуальные, но по своей высокой устремленности общественные вагонные мечтания вторглись товарно-денежные отношения. Торговля в электричках, как и жалостливых песен исполнение или просто побирушничество – характерная черта нашего времени. Общемировые энергичные процессы, правда, дошли до нашего неспешного Отечества ослабленными. Но все ж таки новая встреча Маниловых с Чичиковыми состоялась.

Предприниматель, материализовавшийся в дверном проеме, представлял из себя мужичонку средних лет, среднего росточка и средней внешности, и весь он был такой усредненный, уменьшенный и ужатый, что хотелось прижать его к сердцу и пожалеть. Тем более, что глаза его голубели по-весеннему из-под галчиной челочки, и галстук с белой сорочкой respectable бельнели для пушей важности и вхождение в доверие к народу, и куртка из кожаменителя в талию топорщилась, делая мужичонку еще короче и одновременно подчеркивая демократизм и благосостояние продавца. В общем, человек шел на работу как на праздник, несмотря на тяжелую ношу.

Предприниматель поставил сумки на пол, взял в руки образцы товара, прижал их к груди, и максимально приятно, напрягая голос, начал рекламу:

– Уважаемые пассажиры, доброго вам пути! Наша фирма работает напрямую с издательствами. Самые свежие газеты по самым низким ценам! Убедитесь: «Мегаполис-Экспресс» и «Мир новостей» по два с половиной рубля, «ТВ-парк» по три рубля. Смотрите, решайте, покупайте, – и продавец изящно, чуть покачиваясь, двинулся по проходу, демонстрируя товар налево и направо.

Он без всякого коммерческого успеха дошел до конца вагона, развернулся, и уже молча, медленно, приближался к одиноким пассажирам, надеясь, что близость полиграфической продукции возбудит покупательские желания. Так ничего и не продав, он оказался у своих сумок и в отчаянии опустился на скамейку. Продавец посидел некоторое время без движения, в мрачных раздумьях. Вдруг спасительная мысль ясно осветила его лицо, и он быстро вынул из внутреннего кармана куртки начатую уже четверку водки, жалобно и громко отхлебнул из горлышка. Потеплело. Продавец шумно вздохнул, обвел глазами публику, шмыгнул остреньким носиком и, обращаясь в никуда и в то же время как бы к каждому в отдельности, горько заговорил:

– Ну что за тупорылый народ у нас, что за страна! Если бы кто знал (тут он выхватил из сумки часть тиража и затряс им) – как мне надоели эти газеты! Куда, – он поискал глазами сочувствующего, наткнулся на молодого парня в джинсовом костюме и сосредоточился на нем, – вот скажи: куда мне их девать?! Ты говоришь: выкинь! Ты думаешь, мне жалко эту дребедень?! Мне?! Жалко?! – Предприниматель решительно шагнул к открытому окну, просунул руку с газетами на волю и разжал пальцы. – Вот я где видел все это! Но люди... Ну бараны,

ну дикая страна, тупая, чокнутое население! Ведь завтра эти же газеты будут покупать по три, по четыре рубля, ну почему же сегодня им не взять у меня?! А? Ведь своими руками принес, каждому в морду сую, культурно объясняю, ну что еще надо, скажи? – приставал он к парню. – Ладно, эти я выкинул, а на складе? На складе – 764 пачки, в каждой – по семьсот газет! Куда я все это дену, господи?! Почему у нас такое сволочное население, не понимает своей выгоды, а? Ведь мне надо склад освобождать, все, мы закрываем этот бизнес, – и продавец, смахнув со щеки слезинку, уселся рядом со своими сумками.

Сволочное население тем временем отвлеклось от дорожных дел и мечтаний. Пассажиры, смущенно улыбаясь, переглядывались между собой.

Мужичонка посидел, отдохнул, допил из четверки горькую. Наконец встал, и уже без прежнего отчаянья, обреченно продолжил:

– А тут еще эту хиромантию навязали, – он достал из сумки несколько экземпляров газеты бесплатных объявлений. – Эх вы! Вашу мать... Вот, – предприниматель положил газету на одну из скамеек, – купи себе, дед, новую квартиру. А ты, дамочка, – пошел дальше, – найми мужиков, сделай ремонт. Бабушки, – он раскладывал газеты по всем сиденьям, – позвоните по телефону, познакомьтесь с дедушками! Все – он развел пустые руки, – дарю!

...Мы проехали, наверно, еще целый час по весенней, веселой и солнечной земле, по частичке огромной страны, которую трудно даже представить всю сразу, прежде чем одна из старушек несмело взяла оставленную продавцом газету. Она оглянулась вокруг и сказала, смущаясь, уловив мой взгляд:

– Посмотрю, что тут. А то ехать долго...

На огороде

– Вот так мы тут и живем – как черти в коробочке, света белого не видим! – закончила свой рассказ Римма Крайнева, могучая женщина с большими нагруженными руками, варикозными полными ногами и импортным гребнем в густых, крашенных хной волосах. Зубы у Риммы железные, желтого цвета, здоровья никакого – после трех сложных операций; муж ее бросил, дочь умерла.

Мне она рассказывает про два огорода, про бахчу, которую обнесли мальчишки, про хозяйство, что нечем кормить («скотину не будешь держать как нас – впроголодь»).

– Таня Кретьова приходила, принесла три вот таких, – разводит руками, – рыбины. Витька наловил. Как раз сестра у меня была. Так что ты думаешь, Васька (вдовый сосед-пьяница) учуял, шасть ко мне! Чепок откинул, слюни распустил, «ладно, – говорю, – садись.» Бутылку вынула, спрашиваю: «Воды мне привезешь, цистерну?» – «Римма, для тебя – все, что угодно.» Выжрал, и ни воды, ничего. Даже не здороваётся. А вчера напился, кричит: «Римма, забери меня!» На шо он нужен? «Римма, я ведь моложе тебя на десять лет!» «Усыновлять, – говорю, – Вася, мне тебя поздно, а для других целей ты мне и с доплатой не нужен». Ведь если бы мой тогда не сбег, я бы давно в могиле лежала. А то, вот, живу, – и Римма ловко, без особого замаха, стукнула рукой по уцелевшему арбузу, – на, угощайся, – протянула мне половину.

Я впиваюсь в сладкую бледно-розовую мякоть и слушаю дальше.

– Вот Таня Кретьова. Четвертый раз вышла замуж, вчера у меня ночевала. Его-то снова посадили на 15 суток, так он сбежал, дома дрался, она на него снова заявлять, он – прятаться в бурьяны. А ведь все при ней – ну, ты знаешь, – я киваю, – а готовит как! Перцы мне принесла фаршированные. Я говорю: «Когда ж ты их делала?» «Он как напился, так я спряталась в малине и фаршировала». Че бабы такие дуры?

– Природа, – глубокомысленно изрекаю я. У меня сладкие руки, щеки, подбородок, и я чувствую себя беспомощной, как перед приходом санпоста в начальной школе.

– А Васька что... Ты погляди на него – обезьяна обезьяной, какая в зеркало глядела. Да будь я такая, – Римма вставляет крепкое словцо, – я бы сама себя задушила, – и она хлопает ладонью по второму из уцелевших арбузов...

День города в Кипрянах

Началось всё в два часа дня. Жара стояла страшная – 42 градуса на солнце. А тени – так её вообще в тот день не было. И в предыдущие. И в последующую неделю. Так что с погодой не ошиблись.

Торжественное заседание для лучших людей района и города проходило в Доме культуры «Кипряны», что на центральной площади. Президиум огромный, полукругом, в два ряда. По бокам слабо гоняли воздух худосочные китайские вентиляторы. Отцы города, как на подбор гладкие, упитанные, с тугими животами, с лицами, похожими на клубни буряка в урожайный год, сидели важно, недвижимо. Зал же был заполнен публикой попроще – представителями предприятий, колхозов, АО, частного бизнеса, образования и медицины. Народ здесь разный, но все одинаково изнывали от жары, обмахивались праздничными номерами «Купянской правды» на четырех страницах. Речи в президиуме длинные, хотя у всех выступающих мокрые подмышки, грудь, а если поворачиваются спиной, то видно, что и зады. Рапортам, здравицам и докладам, кажется, не будет конца... Но вот переходят к заключительной части – вручению грамот, дипломов, премий. Зал оживает. Передовиков выкликают по фамилиям, и они, под запись поздравительного марша, поднимаются на сцену. Труженикам вручают награды, а длинноногие старшекласницы, одетые под фотомоделей, преподносят цветы – гвоздики или розы. Красавицы, сильно накрашенные, в полупрозрачных платьях, в мини или, напротив, в макси со шлейфом, смотрятся очень нелепо рядом с приземистыми, дородными доярками, высохшими, как стручки, комбайнёрами, изможденными учительницами или сутулыми шоферами.

После камерной части действие выплёскивается на улицу. В чахлах сквериках, среди городских пыльных кустарников и деревьев, раскинулись «крестьянские подворья» – из бутфорских домиков выглядывают хозяйки в лентах и кокошниках, хозяева в картузах; столы ломятся от яств, слобы, калачей, мёда, закусок, овощей, варёной кукурузы, тут же синеют огромные бутылки с бражкой, самогонкой – но мало кто по такой жаре тянется к стопке; а вот белый, самодельный квас из молочных бидонов идёт «на ура». Над каждым «подворьем» выются полотнища с пропащими теперь деревнями – «Копытово», «Хутор Грушевый» и даже «Парижская Коммуна». Кое-где ребята мучают гармошки, пытаются выстроить из сумбура музыку, девочки толкаются на лавках, застеленных прабабушкиными домоткаными половиками. Однако довольно сельских увеселений – громкоговоритель зовет гостей на площадь.

Милиция, в праздничных белых рубашках, выстраивает зрителей в каре. Руководители города уже поднялись на трибуну у свежеразкрашенного серебрянкой памятника Ленину. Начальству нелегко в жару – тень от Ильича на них не падает, но ещё больше зрители сочувствуют ветеранам, которые сбитой, дисциплинированной кучкой выстроены напротив трибуны. Ветераны, несмотря на зной, парятся в костюмах с орденами и медалями. Почти у всех костюмы темные, притягивающие солнце, и только у номенклатуры – председателя ветеранов – светлая пара.

По новой, но теперь уже с уличной трибуны, пошли речи о достижениях, итогах, о том, что несмотря на ...; зачитывались телеграммы, поздравления из соседних городов и районов, дошли и до выражения благодарности тем, кто воевал – выскочили шустрые детишки, вручили ветеранам по букетику и открытке; и плотная прежде кучка стала расплываться, растворяться в окружающих, снимать пиджаки, и вскоре совсем исчезла. Зрители, от души сочувствующие старикам, облегчённо вздохнули.

Между тем подошло время театрализованного представления из истории Кипрян. Солнце по-прежнему висело в зените, пекло ровно. На площадь рысью выехали несколько всадников, переодетых в казаков – в папахах, шароварах, гимнастёрках, с синим знаменем. Под

мелодию «Распрягайте, хлопцы, коней, та й лягайте спочивать» они сделали пару кругов перед зрителями, захватски махая саблями, и уехали долой. Но лошади успели сделать своё чёрное дело и впоследствии результаты их непосредственности вносили существенные коррективы в движения и перестроения артистов. Начальство, впрочем, сделало вид, что ничего такого не произошло.

...А по площади прошли в танце мальчишки-косари, школьницы, переодетые в крестьянок, с серпами, – все они символизировали крестьянскую эпоху. Советское время представляли дети с акробатическими упражнениями. Кроме того, взвод автоматчиков сделал три залпа холостыми патронами. После всех из дверей Дома культуры повалили артисты народных хоров, преимущественно женщины. Они были в богатых бархатных платьях багрового цвета и выстроились мощными рядами. Гармонисты рванули меха, хор грянул: «Хлеб всему голова» и другие песни. Репертуар был обширный, пропели, несмотря на жару, весь.

После концерта был перерыв и в сквере напротив магазина «Птица» открыли первый в истории Кипрян фонтан. Это небольшое, наспех сделанное сооружение из бетона и жести, должно было символизировать розу, но больше походило на гигантский кочан капусты. Фонтан, кроме того, был с брачком – подтекал, но всё равно у воды собралось много люда, особенно детей и молодежи. Все чинно сидели на лавочках, глядели на тонкие, журчащие струйки. Фонтан работал ещё один день и после этого засох навсегда.

Ближе к вечеру солнце все же ослабело, и на площадь вышел вокально-инструментальный ансамбль без названия, которым руководил лучший голос Кипрян, сильно пьющий Серёжа Агапов. (Ему уже было лет сорок пять, но все называли его Сережей. В будничной жизни он работал в похоронном бюро, делал гробы, где и спился.) Серёжа для начала спел произведение местных авторов, посвященное городу, а потом перешел на репертуар европейский и даже выдал что-то по-английски. Молодёжь безумствовала: орали, топотали и “отрывались” до позднего вечера, покуда Серёжа не охрип.

Завершился День города фейерверком. Зрелище невиданной красоты можно было наблюдать даже на окраинах. В небе цвели васильки, розы, тюльпаны, сыпали незабудки, фиалки, мимозы; народ зачарованно смотрел, задирая головы. И даже бабка Липчиха, одинокая, выползла из своей избушки на огородик, припала к полуповаленному штaketнику, прощамкала:

– Гошподи, красота какая! В жизни не видела, – и перекрестилась.

Володька-пьяница, её сосед, будучи, как и полагается в праздник навеселе, ехидно заметил:

– Ото ж гляди, бабка, в небо, гляди, там твоя пенсия летает!

Фейерверк кончился. Соседи разошлись по хатам.

Смерть пирожкам!

Мне не везло в личной жизни – раз и два была замужем – ничего не получалось!

Первый муж у меня был ученый. Математик. Бывало, приду из магазина, овощного, допустим, он начинает выспрашивать – а какие цены на морковь, свеклу? Не продешевила ли я, взявши одномоментно и свежую капусту, и квашеную – не заплесневет ли при нашей мало-семейной жизни продукт, взятый из одной системы координат? Потом стал чеками интересоваться, все списывал с них в общую черную тетрадку – якобы для диссертации, графики выстраивал на листочке в клеточку – расходы за октябрь, ноябрь... Не скупой был человек, а так – задумчивый, тщательный. А я молодая, мне поговорить охота – кроссворд разгадать и то не с кем: «Подожди, Верочка, так-с, что у нас в этом месяце...» Жизнь нас и разлучила. Купила я ему ящик венгерского лечо и упаковку китайской тушенки – как раз перебои начались с продуктами, все по многу хватало, приволокла домой, ладони горят, глаза круглые. И взгляд мой на графики упал не обычно, а как-то объемно. Я представила предстоящий в связи с покупками умственный подвиг моего мужа, и такая меня к себе жалость взяла! В общем, расстались!

Живу одна, а сердце между тем любви просит. До того дошла, что еду в автобусе, смотрю в окно на комбинации гаражей и заборов, а чую – рядом мужик сел. И не то чтобы очень он, но вот тянет меня к нему, откровенно говоря. Прижимаю лоб к холодному стеклу для образумления – надо же до чего одичала, а спиной ловлю неподдельный интерес невиданного мной мужика. Ну смех, конечно, разбирает. Тут остановка моя, «улица Скворцова-Сокольского». И нет чтобы сказать обычное: «Разрешите пройти», так проклятая моя натура говорит усатому грузному мужику жеманно, с придыханием: «Я выхожу сейчас». Бедняга очумел, топ-топ вслед, глаза кровью налились; мы вывалились вместе из автобуса, и тут у нас пошел эмоционально-деловой разговор:

– Ударенный я тобой, девушка! – хрипит мужик. – Понимаешь?

Я молчу, соображаю, что человек пьяный, наверное.

– И не лицо кавказской национальности, не думай, а коренной подмосковный!

Тут я улыбнулась, порадовалась, честно скажу.

– Не хочешь так, – мужик показал жестами как именно и разъярился окончательно, – выходи замуж! Ну?

И снова у меня полная семья. Я да Вася. Хорошо жили. Первые три дня. Потом запил, потом драться полез, потом шалавой обозвал. «Э, – думаю, – нет. Как вы яхту назовете, так она и поплывет. Лучше уж белеет парус. Одинокий...»

Тут, правда, наступил у меня период аскетического осмысления случившихся браков. Один раз куда ни шло, но дважды так пропорхаться! Говорить про это легко, весело, но посмотреть в зеркало – такое ощущение, что загсовые печати не на бумагу ставят, а на лицо. Под глазами – фиолетово. На лбу – подписи. А жить надо!

И решила я относиться ко всему любовно-семейному ответственно и сложно. Выйти еще раз – и все! Хоть режь, хоть жги – ни шагу назад. Мол, доля такая. Потому что сколько можно родственников дезориентировать и вводить в расходы! Люди устали от перемен в обществе, а тут еще я со своими праздниками жизни. Опять же, по большому счету, я человек непритязательный, уживчивый, способный. К примеру. Училась на воспитательницу в детском саду, а жизнь позвала – и хожу по электричкам с товаром, уже зампрофорга в АО «Коробейник». Между прочим, неплохо получаю.

Фу... Кажется, прочно вышла. Муж хозяйственник, домовитый, диспетчер в РЭУ. Как раз к свадьбе квартира ему подоспела, въехали. Нагнал сантехников, плотников, электриков, они отладили механизмы и деревянные части, живи – не хочу! Переделали всю мужскую

работу, он и завспоминался, закуксился: «Вера, мама моя всегда пирожки изготавляла, такие, знаешь, румяные, пухлые», – и глаза закатил в сладострастии.

А я вообще не люблю готовить! Как подопрет, предпочитаю блюда мгновенные, стремительные. А тут пирожки! Ехала с работы, забежала в хлебный ларек, купила ему пол-лотка – с капустой, с рисом(альтернатива). Надулся. А ведь взрослый мужик, пол жизни по нынешней статистике прожил. Полвечера молчал, накапливал. И пошло-поехало: вспомнил, когда я где чего не досолила, когда 1(один) талон в автобусе самой себе пожалела и даже когда на выборы в местные органы власти не пошла. Боже мой! Но я молчу, молчу. Первое слово дороже второго. Вышла из комнаты, прошлась по нежилым помещениям, собиралась долго с силами для воспитанного, миролюбивого ответа. Слезы закипали – все-таки не первый брак, нервы уже не те. Дверь нашу нескрипучую, отлаженную открываю, наконец, спокойно-возвышенно. А он спит! Чистая совесть...

Ладно. Ранним утром я отбыла на линию торговать набором китайских кистей и корейским кремом от большинства человеческих болезней, а мой-то благоверный тем временем, оказывается, в кулинарию устремился, за тестом дрожжевым. Вечером я еле ноги тяну, сумку, но обоняние сработало на лестничной клетке еще: ароматы, дымки из-под нашей двери.

Триумфатор пирожки на блюде сложил, горелые бока замаскировал. Я ем, восхищаюсь, похваливаю, как и положено по психологии. И стало мне его так жалко в эту минуту! ну разве он знал, с кем связался?! В прошлом году на День города я в нашем парке в «Что? Где? Когда?» участвовала. Одна из всего микрорайона угадала, что Чайковский три балета написал. На приз «Поваренную книгу» получила и набор мочалок. Ему ли со мной, обогащенной теоретически, сражаться?!

В субботу замесила тазик теста – по науке; кое-что из детства вспомнилось, от мамы. Начинка по Похлебкину, выпечка по Молоховец. Как раз свекровь прикатила: «Дай, думаю, проведу молодых!» Пирог под клюквенную настойку хорошо пошли. Напилась я пьяна, и все показалось таким красивым, умильным – и муж домовитый, и свекровь-советчица, и я, хозяйка. Оно, ведь, мировое устройство, совсем простое, складное – мука для жизни, дрожжи для подъема, начинка для интереса. Чего-то еще не хватает, кажется. И все силилась я вспомнить это «что-то», так уж я напряглась, аж живот заболел. Тогда закручинилась, пустила слезу и еще рюмкухватила...

Муж утром стыдил, наставительствовал. Впрочем, с некоторым удивлением даже: «Ну, Верка, ты и надралась вчера! Кричала: смерть пирожкам! Дались они тебе, эти пирожки, ну тяжело если, так не готовь, черт с тобой! Но, с другой стороны, что же теперь, я борща вдруг пожелаю, так ты в слезы и в загул? Нельзя так, Верка. Перед матерью опять же стыдно. «Где, – говорит, – ты такую нашел? Не успели сесть, в одиночку всю бутылку опорожнила.»

Да я и не пью вовсе. Что-то задумалась тогда, ослабла, настроение нашло. Жить можно, грех жаловаться. Муж не алкаш и не математик. Весна, население субботник провело, подобрало нечистоты. В магазин вот иду, машу пустым пакетом, оттуда полный понесу. А у соседнего дома толпа нарядная. Никак свадьба! Красный ковер у подъезда постелили, ребяташки, как воробьи, под ногами у гостей деньги собирают. На невесту пальто набросили, холодно еще, боятся простудить. Жених стриженный, глаженный. Молодые да счастливые – как не вздохнуть?! Брачующихся целуют – наверное, родители встречают. Все чин чинном, прямо сердце радуется. Ближе подошла, гляжу – жених жвачку жует.

Дураки-дураки, куда же вы надумали, в мае-то?

Злоумышленники

Полдень. Зной. Истерический стук в дверь:

– Настя, Настя, открывайте, выходите!

Настя Назарова, женщина давно пенсионного возраста, спросонья не сразу понимает в чём дело: в страшном сне или в осязаемой яви. Стук не стихает. Настя, осторожно отодвинув занавеску, выглядывает в окошко: на крыльце топочет бабка Лебедева.

– Алексей, – будит Настя мужа, – вставай, бабка, курва, пришла, че ей там надо, спроси.

Супруги, заспанные, со смутной тревогой в душе, двигают засовом, открывают дверь. Бабка, в низко повязанном платке, в заношенном платье, в разных тапочках – черном и фиолетовом, сияет железными зубами. Взор её стальных глаз грозен. Бабка настроена решительно:

– Пошли, Настя, пошли!

– Мы и тут можем побалакать, – слабо сопротивляется Настя. Хозяин безмолвствует, покорно стоит за спиной.

– Пошли-пошли! – нагнетает напряжение бабка. Жесты её размашисты, решительны, на загорелой руке, рядом с запястьем, синее старая наколка – “Муся”.

Супруги под натиском Лебедевой покидают крыльцо. Алексей плотно прикрывает дверь – от мух и так спасу нет.

Бабка, между тем, тянет Назаровых за ворота, снижает голос до таинственного, свистящего шепота:

– Пошли, шось покажу!

Настя упирается:

– Вот же лавка и тенёк, садитесь тут!

Но бабку с курса не собьешь. За воротами у Назаровых растут яблоня и два сливовых деревца. К одному из них Лебедева тянет супругов. Наконец, цель достигнута. Бабка начальственно хватает Алексея за рукав и спрашивает:

– Оце шо?

– Шо? – беспомощно повторяет Назаров.

– Я спрашиваю, – бабка заговорщицки озирается, – оце шо?

– Где? – глава семьи заходит в тупик. – Дерево. Слива.

– Та не, – бабка пинает ногой в фиолетовом тапке мятый проволочный ящик из-под пивных бутылок, лежащий под сливиной, – я спрашиваю: оце шо?!

– Железяка, – всё ещё ничего не понимая, отвечает Назаров. Настя слушает разговор настороженно, переводя взгляд с одного собеседника на другого.

Бабка горестно трясет головой и даже покачивается из стороны в сторону. Потом останавливает движение тела, впивается взглядом в Назарова и строго пытается:

– А откуда у вас эта железяка?

Хозяин растерянно пожимает плечами. Жена приходит ему на помощь:

– Да мы её и не видали! За ночь, может, собаки натянули! Мы нынче и за двор не выходили, что нам тут делать!

Бабка внезапно меняет тон:

– Правда, правда твоя, Настя! Так вы ничёго не знаете?

Супруги растерянно пожимают плечами. Лебедева рассказывает, торопясь, озираясь и шепча:

– Приехала нынче утром милиция на “козле” и забрала на допрос Веньку (внука), Петьку (сына) и Саньку (мужа). Кажуть: вы сдали много цветных металлов. А откуда они у вас?! Мабуть, ворованные! И увезли, увезли их! А я шла мимо дворов, так у всех железяки валяются. А наших одних забрали. Це ж тюрьма? – спрашивает она Алексея, цепко хватая его за рукав.

– У, оштрафуют и отпустят, – с облегчением успокаивает её Назаров. – Вон, Березовского отпустили и Чубайса, а ваших и подавно.

– Ничего не будет, разберутся, – утешает Лебедеву Настя.

– Да? – бабка радуется. – А я испугалась! Побегу домой, а то куры, та утки, та гуси не кормлены, – и она быстро, как на спортивной ходьбе, перебирая руками и ногами, скрывается за палисадниками.

Настя Назарова всё знает, обо всём имеет мнение. Объясняет мужу:

– Петька, он же на кране работает, грузит электромоторы. Там он их накрал!

Муж дополняет:

– А Венька и Санька потом сидят во дворе медную проволоку с них сматывают.

Супруги, поразмышляв ещё некоторое время о том, как Лебедевы наживают себе добро, уже собираются укрыться во дворе, когда на “Жигулях” подкатывает Алевтина. Дворы их рядом. Алевтина неделю просидела в лесу, на пасеке, и теперь спешит узнать последние новости. Добродушно, снисходительно посмеивается она над бабкиными тревогами. Пчеловодка дородная, в теле, с могучими формами. Говорит, как припечатывает:

– Ото следует им! Не трэба чужого брать!

Соседи, побеседовав ещё некоторое время на темы морали, расходятся.

...Вечером бабка Лебедева снова у Назаровых. Докладывает:

– Все дома: и Венька, и Петька, и Санька. Оштрафовали и отпустили. А Нина (невестка) стала меня ругать: зачем я хожу и рассказываю про це дело. Я кажу: та чи Назаровы пойдут куда, в какое ОГПУ?! Они с двора не выходят. Она: позор який! А я кажу: дитка моя, ты ничёго не знаешь! Вон, Алевтина приехала с пасеки, а ей, Маринка, дочь, звонит: “Мамо, мы сидим в тюрьме с Виталиком, приезжай, нас заberi.” “За что?” “Да железную дорогу раскручивали на металлолом.” Вон шо!

Отсмеявшись, Настя Назарова комментирует:

– Ну правильно, поезда ж теперь до нас не ходят, чего ж добру пропадать, ржаветь!

А супруг её дополняет:

– Мишка Горбачев перестройку начал, Борька Ельцин продолжил, а Маринка с Виталиком довершат – пути назад разберут.

Бабка Лебедева потрясена этими выводами:

– Оце у вас головы, оце соображения! Та вы ж академики, прохфессора! Та вас хоть завтра в верхи, в парламент, чи в правительство...

На перекрестке

– Как тяжело с мужиками, как тяжело! Мой пил и драться кидался, и характер не дай боже. Но они же, суки... Ты будешь неделю корячиться, надрываться, а мужик за полдня переворочает, и мешки будет тягать, и поливать, и жуков травить...

Я дипломатично пожимаю плечами – поддерживаю разговор. Мне некогда – купила хлеб, несу к обеду. Но баба Галя рада свежему человеку и разоряется на всю улицу. Она спешит – в руке тляпка – на бурак («за гектар дают мешок сахара») и потому рассказывает торопясь, рваными предложениями, впихивая слезы, смех, восторг в короткие минуты.

– Ты знаешь, Санька мой помер полгода назад (плачет, сморкается в подол запонки, растирает по крупному лицу слезы). А Твердохлебов Ванька от меня через три двора. Жить ему – чи-жа-ло! Полька два года назад скончалась, груди отрезали. Как мужику без бабы? (Закапывает глаза, быстро-быстро качает головой.) Он на пенсии, пьяный кажин день. Встретились, «помнишь, – говорит, – как с твоим Санькой мы часы топили?» «Не забудешь,» – говорю.

– Какие часы? – я пытаюсь войти в ситуацию.

– Часы у речку уронили, пьяные рыбу ловили, – хохочет баба Галя, колыхая могучими, с небольшие ведерка, грудями, – принесли по равраку в кармане, а часы затоптали, Санька так и не нашел. Я говорю ему: давай сходить – не для тела, че, мы люди пожилые, мне на шестидесятый годик, а будем помогать друг другу, дворы рядом, поросенок заведем, он по пчелам понимает, улы от Саньки остались, за ними, сатанами, смотреть надо; может, бычка возьмем – вот и миллионы. А у него Женька еще неженатый, в армию осенью.

– Сын?

– Ну да! Полька его (баба Галя снижает голос до свистящего шепота, дышит жарким луковым духом в ухо) в сорок с лишним родила, срубили парня, дажно Ванька дров не заготовил, а зима холодная была, – грелись. А ко мне Валька (дочь) приехала, так приговорила: «Мама, не колотись, газ подвели, корову сдали, зачем он тебе нужен?» А я плачу: «Доченька, можа на старости некому стакан воды подать будет, так че, в дом престарелых?» А он мужик неплохой, и мотороллер на ходу, терка у него есть электрическая, можно самим комбикорм делать.

– Да, жених завидный, – степенно поддерживаю я.

– Что ты! На 8-е Марта купил духи – двадцать тысяч! (Плачет.) И я ему блинцов напекла, и борща сколько раз носила, как оно, без горячей пищи в таких годах! А Женька – ни в какую! Запретил ему жениться, и все. Валька моя говорит: «Нехай, мам, он в армию уйдет, тогда. Он же тетку Польку не забыл, а так вы его доведете, что он со двора сбежит.» Че делать? А тут сестры Полькины привезли Ваньке с совхоза невесту, она без детей, ей лет семьдесят, старше его годов на десять. Распродала имущество, машину, пять ковров привезла, миллионы. Вишь как они ее обработали! А у меня один ковер всего, – баба Галя шумно чихает в сторону, на пыльную дорогу.

– Будьте здоровы.

– Правда. Месяц пожили и, – баба Галя заговорщически оглядывается, – не видать! Можа уехала опять на совхоз? И вот я тебя спрашиваю, молодую, современную, что ты мне присоветуешь в обстоятельствах? В принципе?

– Ну, – теряюсь я от столь высокого доверия, – смотрите сами. Подождать надо. Время покажет.

– Вот и я вечером прикину: и так, и так... Значит, ждать, – обреченно вздыхает баба Галя. – Ты скажешь: старая дура. Но посуди, как без мужика в деревне? Они же, курвы... Без них, зараз, никуда...

Трамвай

По Москве, по пятидесятому маршруту, движется старый трамвай. Раскрашенный снаружи рекламой, вагончик похож на цирковой. Но все же хорошо ехать в трамвае, пружинить на мягком дерматине, слушать привычный звон и поскрип тормозов, и мечтать, и думать, и улыбаться зеленой поре – молодым кленам на бульварах, скорому июньскому дождю, чьи последние капли срочно сохнут, не оставляя следа; и радостному солнцу, которому еще просторно и высоко в теплом небе. Трамвай катится ровно, степенно, управляемый привычной и опытной рукой, и люди, отлученные от суеты, невольно успевают заметить суматошное купание воробьев в придорожных лужах, лазурь, выкрасившую в голубое все окна, и рассыпанные лепестки поздnocветушей яблони за сохранившейся чугунной оградой.

Только привычное течение маршрутной жизни вдруг нарушилось. Трамвай ни с того ни с сего встал. Вагоновожатая, накинув оранжевый жилет на кокетливую блузку в рюшках, деловито спрыгнула на мостовую. Через минуту она вернулась и открыла двери. Пассажиры, помявшись и поглядывавшись, нерешительно потянулись к выходу и вскоре столпились перед трамваем.

Проезду мешает вишневая «Ауди», неловко, бочком поставленная у тротуара. «Уж зеркало точно снесу, – разумно рассуждает вслух вагоновожатая, – плати потом».

Пассажиры озадаченно окружают вишневое великолепие. Машина широкая, низкая, с затемненными стеклами, новый кузов богато лоснится на солнце. Некоторое время люди в задумчивости молчат – изящное зеркальце и впрямь помеха трамваю.

– А где хозяин? – наконец не выдерживает одна из пассажиров, осанистая монументальная женщина с проседью в густых, чернолаковых волосах; с явно выраженными кавказскими чертами лица. Под мышкой у нее объемистая сумка с порезанным и тщательно залепленным липкой лентой боком. Рядом с женщиной переминаются две мелкие, чернявые и верткие товарки в одинаковых цветастых платках и худенький джигит в просторном, словно снятом с чужого плеча, джинсовом костюме. Кавказец лихорадочно курит, чему-то посмеиваясь, и часто сплевывает через плохие зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.